

СВЕТ и покой над океаном. И над светлой синевой еще юной земной тверди раскинулся прозрачный покров, будто невод, закинутый могучей рукой неведомого рыба-ря. В невесомую, таинственную сеть вплыли первые плоды и первые цветы, первые птицы и первые звери. На тонких невидимых нитях они покачиваются над колыбелью первого человека. И новорожденный мир, похожий на громадную детскую, улыбается нам вместе с героями будущего фильма-балета.

Лазурное царство, созданное художницей Галиной Якубовской, существует по своим законам, не утрачивая прелесть иллюзии даже в прозаической обстановке съемочного павильона. Сейчас в XI студии объединения «Экран» — две зоны. В одной под музыку Андрея Петрова происходят волшебные и поучительные события «Сотворения мира», сочиненного Натальей Касаткиной и Владимиром Васильевым. В другой хозяйничают постановщики (они же — сценаристы) с оператором Александром Тафелем — признанным специалистом, на чьем счету десятки телевизионных балетов.

Аппаратура еще бездействует. Фонограмма еще не включена. Еще закутаны в теплые халаты, обуты в гамаши и теплые туфли (а то и в валенки) Виктор Волошин — Бог, Станислав Исаев — Адам, два Михаила — Трофимов и Владимиров — Архангелы. Что же касается Вали Кураевой, Оли Стружкиной и Гали Лапиной, их Ангелочки озорничают даже вне съемочной площадки. Тропические бабочки на тонких резиновых шнурах переходят из рук в руки под общий смех, пока новость откуда не раздается весьма грозное предупреждение: «Девочки, бабочек не смейте трогать! Они нам для ада понадобятся». Оказывается, это всего-навсего реквизит, заготовленный для лукавой и обольстительной Чертовки — Веры Тимашевой и ее партнера, неуны-

вающего и проказливого Черта — Николая Тихомирова.

Да и вообще досуга для игр не остается. Каждый занят своим делом. Галина Якубовская вместе с монтировщиками расстилает на планшете голубые ткани — так, чтобы они живописно струились и «пели» своими линиями, будто аккомпанируя рождению Адама. Сегодня

вейшего и любимейшего чада — Адама. Едва успев сесть, он уже выпрямляется в полный рост. И едва успев встать на ноги, он начинает танцевать. Всем бы детям такие балетные данные...

«Сотворение мира» в Московском классическом балете идет давно и успешно. Однако фильм менее всего будет точным переносом спек-

с Максимовой и Володи Васильевым над «Геологами». Эта мечта тоже не реализовалась. Но мы упорно продолжали мечтать о нашем сотрудничестве, особенно с тех давних пор, как Максимова вместе с Васильевым блестяще и вдохновенно станцевала дуэт из «Сотворения мира» в нашем фильме «Хореографические новеллы». Итак, год 1982-й подарил нам осуществление заветной балетмейстерской мечты...

— В фильме, — продолжает Владимир Васильев, — хореография не подвергается изменениям, но драматургическое начало усиливается. Поскольку «Сотворение мира» — сюжетный спектакль, мы стремимся, чтобы сюжет оказался максимально доходчивым именно благодаря средствам кино. Условность театрального жанра не противоречит кинематографу — она взаимодействует с последним и приобретает новые оттенки, новые «измерения». Приведу один лишь пример: в театре у нас Ангелочек заглядывает в люк, где якобы расположен ад, и прыгивает туда, чтобы ознакомиться с соблазнами преисподней. В театре вполне достаточно такой мизансцены у люка. В кино надо показать Ангелочка — его лицо крупным планом. Затем покажем «адские искушения», что разворачиваются перед невинным ангельским взором. Затем снова реакцию райских добродетелей и так далее. Или, например, момент обдумывания Богом «проекта» Адама. Неудачный «эскиз» смахивается с экрана, мгновенно «стирается», чего в театре не добьешься никакими трюками. Подобных примеров могли привести еще множество. Но дело не в количестве, а в образном качестве киноэффектов.

Зазвучала фонограмма прекрасной музыки в прочтении дирижера Ю. Темирканова. Включена камера. «Девяносто семь Дублы». Работа продолжается.

Е. ЛУЦКАЯ.

сьемки начнутся именно этим эпизодом. Тафель дискутирует с осветительным цехом, обеспечивая максимальную высвеченность сцены и персонажей, обсуждает с балетмейстерами первую мизансцену возникновения Адама.

— Ребята, пожалуйста, сгруппируйтесь потеснее. Вот так, Виктор, вот ты покрутил ее перед Адамом и говоришь будто бы: «Видишь, у меня в раю какие хорошенькие ангелочки. Тебе с ними будет весело». А ты, Стас, капризничаешь и отвечаешь ему: «Нет, не будет! Нет, не будет! Не хочу! Ни за что!».

Кусок готов к съемке. Теперь надо повторить первые шаги Адама.

— Стас, где ты там? — с тревогой кричит в просторы павильона Васильев.

— Вот я! — мгновенно отзывается Исаев с невысокой галереи, откуда видна вся площадка. Еще секунда — и весь сонм обитателей рая удивится необыкновенным способностям своего талантлив-

такля на экран. А в актерском составе тоже есть определенные изменения, прежде всего связанные с участием в съемках народной артистки СССР, лауреата Государственной премии СССР Екатерины Максимовой.

— Мы счастливы, — говорит Наталья Касаткина, — работать с Катей — нашей Джульеттой, Натали, а теперь нашей Евой. Максимова — танцовщица уникальная. Она рождена для того, чтобы быть балериной. А женственность ее — истинный дар природы, столь существенный для исполнения партии Евы. Она настоящая актриса, способная перевоплощаться мгновенно и безуслыно. У нас есть особые основания радоваться нынешней встрече: когда-то мы начинали с Катей в Большом театре готовить Еву, но обстоятельства заставили нас выпустить премьеру не в родном коллективе, а в Ленинградском театре имени Кирова. В Большом театре мы мечтали поработать

Моск. Комсомолец, 1982, 28 янв